

**ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

*Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции
«Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.*

Настоящая статья представляет собой попытку применения лингвоконцептологического подхода в преподавании русского языка как иностранного. Сопоставительный анализ концепта «Родина» у русских и иностранных студентов выявляет систему дублетных составляющих концепта и элементов, имеющих сугубо национальную специфику. Это позволяет говорить о возможности создания механизма декодирования русских лингвокультурных текстов, который способствовал бы усвоению русского языка как иностранного.

Лингвоконцептология, концепт, структура концепта, языковая картина мира.

This article presents the linguistic concept of teaching Russian as a foreign language. The comparative analysis of the concept «Motherland» in Russian and foreign students' speech reveals the system of double components of the concept and the elements having a purely national identity. It helps creating the mechanism for decoding linguocultural Russian texts that would facilitate the acquisition of Russian as a foreign language.

Linguistic concept, concept structure, linguistic picture of the world.

Принцип учета родного языка является одним из специфических методических принципов для методики обучения неродному языку. При этом важно помнить, что языковые явления в родном и изучаемом языках могут совпадать полностью или частично либо не совпадать вовсе. Наибольшую учебную проблему представляют частично совпадающие явления. В таком случае необходимо явное или латентное, скрытое, сопоставление, поскольку анализ воспринятой неродной речи происходит на категориальной основе родного языка, в соответствии с национальной языковой картиной мира. Этническое видение и понимание мира осуществляется с помощью национального языка. «Язык воплощает и национальные образы, и национальный характер, и национальные идеалы» [2, с. 202].

Объектом данного исследования явился фрагмент языковой картины мира (далее – ЯКМ) иностранных курсантов-билингвов (казахов). Их билингвизм можно отнести к контактному, групповому и синтезированному типам [1, с. 7 – 8], последний возникает тогда, когда соединяются естественные и искусственные условия.

Потребность в коммуникации с представителями других национальностей и культур, с носителями иного языка – основной стимул естественного освоения русского языка для наших информантов, так как, во-первых, получая образование в России, они погружены в русскую речевую среду: обучение ведется только на русском языке; во-вторых, русский язык выступает для них и средством межнационального общения не только и не столько с преподавателями, командирами и русскими курсантами, сколько с киргизами, армянами и монголами, с которыми казахи

не только обучаются, но и проживают в общежитии, проводят личное время и т.д.

К искусственным условиям относится обучение неродному языку в школе и в вузе, с привлечением специальных методик. При этом изучение неродного языка является и самоцелью (в рамках обязательной для изучения дисциплины), и необходимостью: неродной язык требуется для социализации личности, а в нашем случае – для приобретения военной профессии.

Профессия военного предполагает у выбравших ее сформированность целого комплекса нравственных качеств, и в частности, наличие чувства патриотизма, так как основная функция армии – защита Родины. Поэтому предметом данного исследования выступил концепт «Родина» в ЯКМ курсантов-казахов, содержание которого выявлялось методами компонентного и контекстного анализа, ассоциативного эксперимента (АЭ) и сопоставительным методом (результаты данного АЭ сравнивались с материалами АЭ, проведенного нами ранее с русскими курсантами, а также с материалами АЭ, проведенного в 1975 – 76 гг. Н.В. Дмитриук со студенческой аудиторией, представляющего «картину языкового сознания "усредненного" носителя казахского языка в последние десятилетия советского периода» [3]).

В статье, предваряющей первый «Словарь ассоциативных норм русского языка», А.А. Леонтьев отмечал: «Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть "культурную" специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его 'семантические обертоны', – без сомне-

ния, таким методом является ассоциативный эксперимент...» [4, с. 14].

Наряду с соблюдением требования кратковременности ассоциирования, проведение данного АЭ имело свою специфику, обусловленную целым рядом причин:

- стимул предъявлялся на родном языке курсантов, возникшие ассоциации предлагалось записать также на казахском языке, так как:

- 1) по соотносительности речевых механизмов родного и неродного языков между собой одна часть задействованных в АЭ курсантов демонстрирует чистый билингвизм, другая – смешанный [1, с. 9], когда в одной и той же ситуации общения последние используют родной и неродной языки, свободно заменяя их друг другом. Активный словарный запас русского языка у разных курсантов представлен в разном объеме, следовательно, предложив стимул на русском языке, мы поставили бы респондентов в неравные условия и тем самым не получили бы релевантных данных;

- 2) по утверждению И.И. Сандомирской, «подобно языковой идиоме, Родина плохо поддается переводу. Родина – это культ локальности, апофеоз локального знания» [8];

- по последней из указанных причин, а также для устранения многозначности и для минимизации возможности инотолкования, после записанного казахского ассоциата было предложено дать его русский перевод, впоследствии проверенный по двуязычному словарю и с помощью независимого эксперта – носителя казахского языка с продуктивным координативным билингвизмом [1, с. 9 – 10];

- стимул включал в себя две лексемы (*ел* (стимул I) и *отан* (стимул II)), так как контекстный и компонентный анализ выявил в казахском языке среди прочих примерно равные по частотности синонимы там, где в русском языке мы обходимся одной лексемой – *родина*. При этом общий смысл I-й лексемы можно передать как «малая родина», II-й – как «большая родина»;

- предъявление стимулов I и II осуществлялось с недельной разницей с тем, чтобы не произошло наложения ассоциативных рядов к стимулам-синонимам;

- стимулы предъявлялись в письменной форме, чтобы избежать омофонии и не исказить звуковой образ слова в произношении экспериментатора-инофона;

- при количественной обработке результатов АЭ и содержательном анализе интересующего нас концепта учитывались не только первые ассоциаты, но и все последующие члены ассоциативных рядов, записанных респондентами.

При исследовании уделялось внимание специфике значений ассоциативных реакций, входящих в ядро и периферию концепта, особенностям реакций, представленных на русском и казахском языках, индивидуальным реакциям респондентов, отражающим

языковое сознание участников коммуникативного процесса.

Лексема «Родина» соответствует этноспецифичному и «идиоматичному» понятию лингвокультурного концепта, обладая высокой номинативной плотностью и эмоциональной насыщенностью в фокусе сознания, сетью ассоциативных связей, сложившихся в лексических системах языков. Так, в русской лексикографии выделяются два основных значения слова «Родина»: 1) родная страна – «Родина», «большая родина», родина₂; и 2) родная сторона – место рождения, «малая родина», родина₁ [6]. Этимологическое значение «родина₁» первично и выступает основой для последующего метафорического переноса на страну гражданства – отечество.

В синонимическом ряду единиц, передающих в современном русском языке идею родной страны, «Родина» занимает место лексической доминанты, как наиболее многозначная и наиболее частотная единица этого ряда (она входит в число 5 000 наиболее употребительных слов русского языка с рангом 1 276 при ранге 5 869 у «отечества» и 18 334 у «отчизны») [5].

В казахском языке для определения этих понятий используется целый ряд синонимов: *тұған жер, атамекен, жер-ана, атажұрт, Отан, елім-ай* [7]. По данным частотного словаря, наиболее употребительными из них являются *отан* и *ел* [9]. Частотность употребления и близость семантики данных лексем и позволила нам предложить респондентам 2 стимула.

Опираясь на количественный критерий, в соответствии с лингвистической традицией в исследуемом концепте можно выделить ядро (сюда мы отнесли повторяемость 5 и более ответов), ближнюю (2 – 4 повтора ответов) и дальнюю периферию (одиночные ответы). Подчеркнем, что выделение это условное, поскольку концепт имеет свойство гештальта – целостного представления с нечеткой внутренней организацией и размытыми границами, существующего в индивидуальном или групповом (в том числе национальном) сознании. У казахов на стимулы «отан» и «ел» в сумме было получено 85 реакций, из них 44 разных и 23 единичных. В ядро ассоциативного поля вошли реакции с опорными семами: *земля* – 15; *отечество* – 8; *народ* – 7; *семья* – 7; *мать* – 6; *свободная/независимая* – 6; *Казахстан* – 5; *дом* – 5.

Анализ ассоциативно-вербальной сети (АВС) показывает существенное расхождение в порождении стандартных (стереотипных) и индивидуальных (отдельных) реакций. Массовое воспроизводство реакций говорит, прежде всего, об автоматической актуализации и механическом тиражировании ассоциатов, возникающих на основе отношений смежности или сходства, закрепленных в языковом сознании людей как результат прочитанного и услышанного, т.е. на основе совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность). Под стандартными мы рассматривали реакции с частотностями более 2. Таких оказалось более половины ответов (58,8 %).

Содержательный анализ ассоциатов показал, что в АВС «Родина» существуют две зоны: личного (в терминологии Сандомирской [8] – «прирожденно-Своего») и коллективного («вторично-родного») восприятия Родины. Если у русских преобладают первичные ассоциаты, то у казахских респондентов – вторичные: АВС русских демонстрирует явное сосредоточение на личной сфере, в то время как для казахов характерно осознание себя в качестве части нации (не случайно реакция *народ* занимает третью строчку списка – 8,4 % ответов, тогда как у русских – всего 0,9 %). С нашей точки зрения, это объясняется, прежде всего, изменениями в государственном и политическом устройстве Казахстана, произошедшими в последние десятилетия.

И.И. Сандомирская отмечает, что «*Родина / Отечество / Отчизна* – это не имена географических или административно-политических единиц. Это группа метафор, через призму которых концептуализируется определенная социальная конструкция, некая специальная модель отношений между индивидом и обществом, между гражданином и государством, между личностью и централизованной идеологической системой» [8].

Проявление «вторично-родного» наблюдаем в реакциях со значением: *отечество, народ, земля предков, долг, патриотизм, гордость* и др. Они являются результатом идентификации собственного восприятия респондента с коллективной идеологией, с жизненным пространством нации. Метонимический перенос расширяет основание идентификации: народ составляет большое идеологически скрепленное сообщество. «По отношению к этому сообществу появляется моральный долг (долг перед Родиной / Отечеством) и эмоциональная привязанность (любовь к Родине / Отечеству) – точно так же, как к собственной семье, но уже на гораздо более высоком уровне легитимации» [8].

В ядро исследуемой АВС вошли также реакции со значением *независимость, свобода*, характеризующие языковое сознание казахов. Здесь можно увидеть и влияние недавнего прошлого – следствие распада СССР и обретение Казахстаном самостоятельности, и следы далекого прошлого. На что указывает ассоциат, не вошедший в ядро АВС, но входящий в ближнюю периферию поля – *дала*.

Ассоциат *дала* (степь) – национально-маркированный концепт, или лингвокультурема, которая представляет собой ключевое ментально-семантическое образование и является базовой категорией, отражающей менталитет обобщенного носителя естественного языка, важной для анализа языкового сознания представителей казахской этнической группы. В языковом сознании исконных носителей казахского языка в национально-маркированной реакции *дала* заложены дополнительные смыслы, связанные с понятием *Родина*. В переводе слово *дала*, помимо значения «степь», имеет и другие значения: *улица, просторы, пространство, природа*, тем самым становясь символом раздолья, свободы и независимости. В реакциях усматривается прошлое каза-

хов, которые вели кочевой образ жизни, поэтому для них *степь* являлась всем: и родиной, и землей, и пастбищем, и образом жизни.

В ответах трех респондентов были даны различные реакции, показывающие яркость когнитивных признаков слова *дала*: *золотая степь, необъятная степь, обетованная степь*. Данные носители казахского языка интерпретируют слово *дала* с помощью словосочетаний: признак + существительное, что дает основание считать, что в казахском языковом сознании лексема *дала* ассоциируется с предметными представлениями, к которым относится образ родины, страны, земли, на которой человек родился и вырос.

Другие единицы с предметным значением конкретизируют представления казахско-русских билингвов об окружающем мире: *горы, озеро, хлеб*. Показателен в этом аспекте и единичный этнокультурный ассоциат с предметным значением *юрта*. С «национальным домом» – юртой – была связана вся жизнь казаха. Казахская юрта является не только элементом материальной культуры народа, но и содержит символику, в которой сосредоточена самая разнообразная информация о национальной религиозно-мифологической картине мира.

Однако более частотной явилась реакция *Үй* (дом – коэффициент 4). По данным Казахско-русского ассоциативного словаря [3], лексема *дом* – имеет 204 ассоциата, в ближайшей периферии находятся реакции *степь, мать, девушка, народ*, полученные и в нашем АЭ как реакции на стимул *родина* и выявляющие зону пересечения этих концептов. Возможно, особенности уклада жизни казахов, в частности меньшая, чем в России, степень урбанизации, проявились в низком коэффициенте ассоциата *город* (1,2 % против 3 % у русских).

Однако больший интерес представляют ядерные ассоциаты. Конкурирующими по частоте с ядерной реакцией *народ*, о которой говорилось выше, являются *жанұя, отбасы* – с общим значением «семья». Казахскую семью отличают многочисленные и разносторонние родственные связи, которые позволили казахскому народу сохраниться как единое национальное образование. Центром семьи является мать. Мать (*ана*) – не только символ родства, но и концептуальный признак родины (*жер-ана*).

Данное понятие было представлено серией реакций: *мать, мама* (рус.), *ана*. Слова *мать* и *ана* выступают здесь в основном значении «женщина по отношению к своим детям / женщина, имеющая или имевшая детей» и являются абсолютными эквивалентами. Но присутствует и метафорическое (переносное) значение, связанное с «источником, давшим *жизнь* кому-/чему-нибудь, представляет духовную ценность, являясь родным, близким», что свойственно обоим языкам (Мать-земля, Родина-мать = Жер-ана, Отан-ана ...), но, на наш взгляд, такое осмысление родины оказалось более актуализированным в ответах казахских респондентов, так как рейтинг ассоциата *жизнь* (3,6 %) намного превышает показат-

тель соответствующей реакции русских курсантов (0,4 %).

Интересно и то, что преобладающими среди и русских, и казахских ассоциатов, называющих людей из числа близких и родных, являются существительные, обозначающие лиц женского пола: *мать, жена, девушка*. При этом ни разу не встретились реакции *отец, брат*. Образно говоря, и у казахской, и у русской родины «женское лицо».

Обращает на себя внимание и ассоциат *родной язык*, превышающий по частоте соотносимую реакцию, полученную в АЭ с русскими информантами. Родная речь выступает объединяющим для «родного» сообщества и идентифицирующим признаком, так как национальный язык – один из атрибутов нации. Родной язык для казахов, находящихся вдали от дома и оказавшихся под давлением русскоязычной среды, – это одна их нитей, связующих их с родиной.

Другой особенностью ответов казахских курсантов, частично объясняемой их дистанцированностью по отношению к родным местам, является полное отсутствие негативных реакций, некоторая идеализация родины (ср. у русских курсантов негативные реакции составили около 3 %). Нельзя не заметить и включение казахами в ассоциативное поле концепта *родина* поговорок, что было нехарактерно для ассоциирования русских информантов. Это, как нам представляется, свидетельствует о более глубоких и тесных, чем у русской молодежи, связях современных казахов с корнями их национальной культуры.

Необходимо обратить внимание и на ассоциативные реакции билингвов, представленные на казахском и русском языках, что является следствием билингвальной ситуации на территории Казахстана, где, как известно, русский язык является официальным, а казахский язык выступает в качестве государственного языка. При создании ассоциативных реакций испытуемые опирались на механизм кодового переключения с казахского – на русский, а также осознавали механизм межъязыкового перекодирования реакций. Примером этого служат параллельно существующие ассоциативные реакции *патриотизм* (на русском) и *отаншылдық* (на казахском); *свобода* – *еркінді*; *гордость* – *намыс*.

Важным, на наш взгляд, является и то, что при кодовом переключении информанты-казахи, владеющие русским, репрезентируют ассоциаты в виде не только лексем, но и целых предложений: *Хочу на родину: там тепло, там моя мама*. То есть эмоцио-

нально-чувственное восприятие происходит на русском лексикодом, языковые единицы русского языка помогают передать эмоциональное состояние человека.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы не только увидели универсальное и национально-уникальное в концепте «Родина», но и убедились в том, что в процессе обучения русскому языку как иностранному необходимо учитывать как словарные значения лексем, так и субъективные смыслы и ассоциативные реакции, которые возникают у носителя иноязыка при восприятии лексической единицы и установлении соответствия ей в родном языке. Опора на общее и учет национальной специфики будет, несомненно, способствовать более глубокой степени погружения в иностранный язык. А для этого необходимо создавать и обновлять ассоциативные двуязычные словари, в чем нам видится практическая значимость и дальнейшая перспектива подобных исследований.

Литература

1. Балыхина, Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) / Т.М. Балыхина. – М., 2007.
2. Вепрева, И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – М., 2005.
3. Дмитриук, Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь / Н.В. Дмитриук. – URL: http://dmitryuk-nv.livejournal.com/#post-dmitryuk_nv-5239 (дата обращения 29.03.2014).
4. Леонтьев, А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – С. 5 – 16.
5. Ляшевская, О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М., 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 06.04.2014).
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1953.
7. Русско-казахский и казахско-русский словарь. – URL: <http://www.ovale.ru/site/32184/sozdik.kz> (дата обращения 02.04.2014).
8. Сандомирская, И.И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И.И. Сандомирская. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. – URL: <http://www.ruthenia.ru/document/339095.html> (дата обращения 10.02.2014).
9. Частотный словарь казахского языка. Первые 100 слов // Интернет-газета «ZONA^{kz}». 19.04.2010. – URL: <http://www.zonakz.net/blogs/user/ertur/10497.html> (дата обращения 04.04.2014).